

Л. Р. Зиндер. Существуют ли звуки речи?

Источник: Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1948, том VII, вып. 4 (июль — август). С. 293–302.

Подготовка к публикации М. В. Спиричевой и А. В. Андронova
(грант РНФ № 16-18-02042)

Яковлев Н.Ф.

Существуют ли звуки речи?

В последние годы в нашей лингвистике получило распространение новое направление в учении о фонеме, которое можно было бы назвать бумажно-фонологическим. Ещё неизвестное у нас за пределами узкого круга московских лингвистов, оно было разрекламировано проф. Г. О. Винокуром в американском журнале «Language» <[[Vinokur 1942](#)]>, чуть ли не как важнейшее достижение советского языкознания.

Сущность этого нового направления заключается в том, что оно в определении фонемы игнорирует её акустико-физиологический аспект, забывает о том, что фонема это звуковая единица. Такое понимание фонемы мы находим впервые у Н. Ф. Яковлева и Д. Ашхамафа в их грамматике адыгейского языка, хотя они и ставят знак равенства между словами «звук» и «фонема». Мы читаем у них:

«Когда по-русски произносят „рот“ в значении орган речи и в значении „род“, то, несмотря на фактически полное совпадение этих двух различных слов-понятий в звуках, они существуют в грамматике, в языке и в сознании как слова различного звукового состава, как слова, в которых последние согласные представляют собою по качеству различные звуки, различные фонемы» [Яковлев, Ашхамаф 1941: 407].

Игра словом «звук» не может обмануть читателя, полностью совпадающие и в то же время качественно различные звуки — явный нонсенс, если подразумевать звуковое, фонетическое качество.

Чем же определяется принадлежность различных звуков к одной фонеме, если фонетический критерий совершенно отвергается? Она определяется, если верить авторам, чисто этимологическим путём. Вот, что они пишут по этому поводу:

«Когда произносят *рот* (вм. *род*), *рода* (родит. пад.), *о роде* (предл. пад.), то согласные звуки, слышимые в конце основы, физически меняются — в первой форме произносится глухое *т*, во второй — твёрдое звонкое *д*, а в третьей — мягкое звонкое же *д'*. Но грамматически в языке, — а на основании этого и в сознании — мы имеем здесь один и тот же звук, т. е. одну и ту же фонему» [там же].

Авторы, как мы видим, говорят не об этимологическом, а о грамматическом единстве, но это кажется мне плодом недоразумения. То, что объединяет чередующиеся фонемы, это принадлежность к одной и той

же этимологической единице; грамматически же они отнюдь не представляют единого целого. Наоборот, различие между ними используется для дифференциации грамматических форм. Так, *t* наряду с нулевым окончанием является признаком именительного и винительного падежей, *д* вместе с соответствующими окончаниями является признаком всех других падежей кроме предложного, а *д'* — признаком последнего. При этом в разговорном стиле произношения, которому свойственна редукция/293//294/ция неударенных гласных вплоть до полного их исчезновения, палатализованное *д'* может оказаться единственным признаком падежа (ср. в род' *этава существител'нава*).

Н. Ф. Яковлев и Д. Ашхамаф ничего не говорят о том, как следует трактовать фонемы, находящиеся в историческом чередовании, но поскольку фонема определяется ими этимологически, постольку и такие фонемы по их мысли, доведённой до логического конца, не являются отдельными единицами, а все вместе составляют одну фонему. Слова *рожать, рождать, рождение*, образующие один этимологический ряд со словами *род, рода, о роде*, должны дать повод к тому, чтобы включить и *ж, жд, жд'* — всё в ту же фонему-монстр *д-д'-т-ж-жд-жд'*.

Одновременно с книгой Н. Ф. Яковлева и Д. Ашхамафа, вышедшей в свет в 1941 г., но подготовленной к печати ещё в 1936 г. (см. предисловие к этой книге), была опубликована статья П. С. Кузнецова «К вопросу о фонематической системе современного французского языка» [1941]. В этой статье устраняется возможность столь расширительного толкования границ фонемы тем, что для их определения привлекается учение о нейтрализации фонологических противоположений. Положения, выдвинутые в этой статье, были развиты и наиболее чётко изложены в «Очерке грамматики русского литературного языка» Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова [1945].

По их формулировке в состав фонемы в качестве её «вариантов» входят только «позиционно обусловленные модификации фонемы, которые не различаются с какой-либо другой фонемой (или фонемами), совпадая с ней (или с ними) в своём качестве» [Аванесов, Сидоров 1945: 43]. Следовательно, вариантами одной фонемы по Р. И. Аванесову и В. Н. Сидорову могут быть, например, *д-т* в русском языке, поскольку первый согласный заменяется вторым в конце слов; согласные же *д, ж*, чередование которых позиционно не обусловлено, к одной фонеме принадлежать не могут.

Ограничив возможность слишком широкого толкования границ фонемы, которую допускает формулировка Н. Ф. Яковлева и Д. Ашхамафа, авторы «Очерка» не отказались от этимологического критерия в её определении.

«Установить принадлежность варианта к определённой фонеме — пишут они — можно в том случае, если в той же самой морфеме при изменении и

образовании слов фонема выступает в своём основном виде. Так, например, в слове *вада* в предударном слоге произносится звук *a*, который может быть вариантом как фонемы *o*, так и фонемы *a*. В приведённом слове звук *a* является вариантом фонемы *o*. Это видно из того, что при изменении слова гласная того же корня в позиции, где *o* и *a* различаются, т. е. под ударением, выступает в виде *o*. Например: *вада* — *вот* (вод) (ср. *трава* — *траф*)» [там же].

Авторы «Очерка» ничего не говорят о том, как определить принадлежность неударенного гласного к той или иной фонеме, если он чередуется с двумя разными ударенными гласными. Забыли ли они об этом случае, или же умолчали о нём потому, что он ставит их в положение буриданова осла? В самом деле, «вариантом» какой фонемы является первый гласный слова *жена*, если в слове *женский* ему соответствует ударенное *e*, а в слове *жёны* — ударенное *o*?

Невозможно по мнению Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова определить, с какой фонемой мы имеем дело в тех случаях, когда этимологический критерий вовсе не применим. Так, согласный *s*, который в слове /294//295/ *вос*, например, соответственно изложенной выше теории, является вариантом фонемы *z* (ср. *воза*), а в слове *нос* — вариантом фонемы *s* (ср. *носа*), в слове *стол* представляет неразрешимую загадку, так как ввиду нейтрализации противоположения глухих и звонких в позиции перед глухим этот согласный одинаково может толковаться и как вариант фонемы *z* и как вариант (в данном случае авторы «Очерка» сказали бы — «основной вид») фонемы *s*. Мы видим, как отказ от фонетического критерия при определении фонемы, непризнание того, что объективное звучание, а так же и слух говорящих на данном языке должны учитываться при фонологической трактовке того или иного звука, завели авторов «Очерка» в тупик. Выход из этого тупика они находят для себя в теории «архифонемы» Якобсона и Трубецкого.

Как известно, Якобсон, а вслед за ним и Трубецкой определяют архифонему, как «совокупность различительных признаков, которые являются общими для двух фонем» [Trubetzkoy 1939: 71]^{<1>}. Например: в русском языке фонема *d* характеризуется следующими различительными признаками: переднеязычность, смычность, неназализованность, звонкость, а фонема *t* — признаками: переднеязычность, смычность, глухость; первые три признака, одинаковые для обоих согласных, составляют архифонему. Хотя, таким образом, праотцы теоретически и не определяют архифонему как совокупность двух фонем, составляющую единое целое, но практически они оперируют ею, как некоей единицей, функционирующей в известных случаях на правах фонемы. В работе, посвящённой фонологии русского языка [Trubetzkoy 1934]^{<2>}, Трубецкой

<1> Ср. [Трубецкой 1960: 87] (в тексте статьи цитата дана в переводе Л. Р. Зиндера).

<2> В оригинале у Л. Р. Зиндера данная работа Н. С. Трубецкого ошибочно названа «Morphologie».

вводит в транскрипцию специальные знаки (прописные буквы) для обозначения архифонем, которыми он пользуется в случаях нейтрализации (или дефонологизации) соответствующего фонологического противоположения. По его мнению в русском языке в конце слов вместо фонем *д, т* выступает архифонема *T*; вместо фонем *з, к* — архифонема *K*; вместо фонем *б, п* — архифонема *П* и т. д. [Trubetzkoy 1934: 14, сноска 8 = Трубецкой 1934/1987: 75, сноска 8].

А. Мартинэ, который по словам П. С. Кузнецова «в своей новой интерпретации понятия архифонемы... вплотную подошёл к сложившемуся в среде части московских лингвистов понятию гиперфонемы» [1941: 148], с моей точки зрения ничего принципиально нового в это понятие не внёс ни в своей работе 1936 г. [Martinet 1936] ни в статье 1947 г. [Martinet 1947: 48 и сл.]. Трактовка архифонемы, как некоего единства, возникающего в результате дефонологизации, вытекает по существу из вышеприведённого применения этого понятия Трубецким.

Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров модифицировали толкование архифонемы в том направлении, что применяют это понятие только к тем случаям дефонологизации, для которых этимологический критерий не даёт никакого решения.

«Нельзя определить — пишут они — является ли *a* в слове *баран* (речь идёт о первом *a* — Л. З.) вариантом фонемы *a* или *o*. Это вариант одной из фонем группы *a-o*. Аналогичное явление наблюдается в таком слове, как *где*, в котором начальный звук *г* является вариантом одной из фонем группы *г-к*, так как в положении перед звонким *д* обе эти фонемы реализуются в одном и том же звуке *г*. Определить же принадлежность начального звука этого слова к той или другой фонеме невозможно, так как он не встречается в позициях, в которых *к* и *г* различаются» [Аванесов, Сидоров 1945: 44].

Как мы видим, Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров заменили термин пражцев «архифонема», а также и термин «гиперфонема», предложенный /295//296/ в своё время В. Н. Сидоровым [Кузнецов 1941: 159],— термином «группа фонем». По-видимому, их понудило к этому то обстоятельство, что термин «архифонема» (или, что то же — «гиперфонема») вызывает представление о какой-то фонетической единице, стоящей рядом с фонемой. «Группа фонем» безобиднее, так как под группой обычно подразумевается совокупность нескольких отдельных единиц. В определении авторов «Очерка» так это и выглядит: «Фонемы — пишут они — объединяются в группы (разрядка моя — Л. З.) благодаря тому, что в одних позициях они различаются, совпадая в одном из своих вариантов» [Аванесов, Сидоров 1945: 44–45]. Но так это выглядит только в определении; на деле же, как это видно из приводимых выше цитат, «группа фонем» выступает у них зачастую как единое неделимое целое и по существу ничем не отличается от архифонемы.

Если в книге Н. Ф. Яковлева и Д. Ашхамафа, а также и в статье П. С. Кузнецова, рассчитанных на лингвистов, новая концепция осталась незамеченной, то со страниц «Очерка» и книги А. А. Реформатского [1947] она получила известность в самых широких кругах читателей.

В своей рецензии на книгу Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова проф. С. Бернштейн, не высказывая своего отношения к их концепции, говорит о том, что они опираются «непосредственно на взгляды Бодуэна-де-Куртенэ», который расходился со Щербой в вопросе «о возможности или невозможности комбинаторных чередований между фонемами» [Бернштейн 1946: 83]. В высказываниях Бодуэна, в его теории о несовпадении произносительного намерения с исполнением можно найти противоречие со щербовской теорией чередования, но оно, мне кажется не привело к подлинному расхождению между Щербой и Бодуэном. Суть дела заключается скорее в нечётком употреблении Бодуэном термина «фонема», в том, что, как говорил Щерба, «сам Бодуэн не всё в своей теории развил с надлежащей полнотой» [Щерба 1912: 1], в частности — не осветил вопроса об оттенках фонемы. Ещё С. Булич, имея в виду именно интересующую нас проблему, писал, что «в рассуждениях проф. Бодуэна о фонеме есть, однако некоторые неясности, которые требуют устранения» [Булич 1902: 240]. Во всяком случае Бодуэн никогда не высказывался против щербовской трактовки вопроса. Напротив, он и сам был близок к такому пониманию, как это видно, между прочим, из следующего замечания:

«Так например в словах *v'oz* (вёз), *l'od* (лёд)... точнее со стороны восприимчивой *v'os*, *l'ot*... мы имеем:

Новейшее исторически явление конечных глухих согласных *s*, *t*..., может быть, у некоторых носителей русского языкового мышления уже отделившихся, как всесторонне самостоятельные фонемы, от фонем *z*, *d*... форм *v'ěz-l-á* (везла), *v'ěz-ú* (везу)... *l'd-a* (льда), *l'd-om* (льдом)...» [Бодуэн де Куртенэ 1913–1914: 138].

Следовательно, Бодуэн допускал, что конечные глухие могут чередоваться с серединными звонкими, как самостоятельные фонемы.

Ещё более определённое высказывание мы находим в одной из позднейших работ Бодуэна:

«В орфографии наших письменных языков применяются два главных принципа: 1) фонемография, 2) морфемография — пишет он — Фонемография означает односторонний исключительно фонетический способ написания, при котором не учитываются... морфологические элементы. При морфемографии напротив учитывается психическое /296//297/ родство, т. е. ассоциация по сходству... слова с другими словами. Грамматически нормированное правописание древнеиндийского языка даёт нам классический пример односторонней фонемографии... Древнеиндийской орфографии такие написания, как например, немецкое *schreibt* (с *b*, потому что *schreiben*) ... наряду с *Lump* (с *p*, потому что *Lumpes*) ... совершенно чужды. В пределах слова там безраздельно господствует фонемография. Одностороннюю фонемографию мы встречаем

Comment [A1]: Бодуэн 1910/1911: 137, 1917: 143; Зиндер цитирует по «Литогр. курс. 1913–1914, с. 138»

1917: 143:
«... исторически... *z*, *d*... форм *v'ěz-l-á* (везла), *v'ěz-ú* (везу)... *l'd-a* (льда), *l'd-om* (льдом)...»

также в древнецерковнославянской орфографии, хотя и не столь последовательно проведённую» [Baudouin de Courtenay 1929: 29–30 = Бодуэн де Куртенэ 1929/1963: 332].

Таким образом, расхождение между Бодуэном и Щербой действительно, как говорит проф. С. И. Бернштейн, является скорее терминологическим. Нельзя, однако, согласиться с ним, когда он так же квалифицирует расхождение между авторами «Очерка» и Щербой в отношении понимания ими фонемы [Бернштейн 1946: 83]³. Прав скорее проф. В. И. Лыткин, что признание теории Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова потребовало бы «коренной ломки формулировок» и «переделки фонетики» [Лыткин 1946: 7]. Что же касается непосредственных истоков этой теории, то их следует искать не у Бодуэна, которого сторонники её никогда не упоминают, а у пращев и примыкающих к ним западно-европейских фонологов [Кузнецов 1941].

Comment [A2]: У Зиндера без указания страниц

Попытка авторов «новой» теории ограничить понятие архифонемы пращев, приближающая их концепцию к некоторым высказываниям Бодуэна, не может быть признана удачной. Самым общим положением учения о фонеме было до сих пор то, что различие или неразличие звуков зависит от их фонологической значимости, что звуки различаются, если они представляют разные фонемы, и не различаются, если представляют одну фонему. У авторов же «Очерка» мы находим парадоксальную мысль, что неразличающиеся звуки могут при известных условиях быть различными фонемами, что, скажем, неразличающийся в русском языке в отношении участия голоса переднеязычный согласный оказывается в одних словах представителем архифонемы (по их терминологии — «группы фонем»), а в других словах различается как две фонемы — *д* и *т*.

Логичнее утверждение Н. Ф. Яковлева и Д. Ашхамафа, что физически один и тот же звук (они не говорят — «неразличающийся») может существовать в сознании как две разные фонемы, но и оно стоит в резком противоречии с фактами, с опытом обучения грамоте. Этот опыт показывает, что достаточно учащимся знать, что *д* обозначается на письме так-то, а *т* — так-то, чтобы они безошибочно написали *дом*, *том*, *кот*. Если бы в их сознании слово *род* содержало тот же согласный, что и слово *дом* (т. е. если бы на конце его была фонема *д*), то для чего понадобилось бы особое правило, чтобы научить писать его так, как этого требует

³ Нельзя согласиться с проф. С. Н. Бернштейном и в его оценке так называемой фонематической транскрипции Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова. Он называет интересной и остроумной транскрипцию, которая является издевательством над читателем и над здравым смыслом. Хороша транскрипция, если её необходимо снабдить правилами чтения, чтобы можно было прочесть записанные при её помощи тексты (ср. напр.: *повáд 'илса ка¹ мн²'э на подокóнн 'ик л'отáт¹ жолторóтој молóдóј грач 'óнок* [Аванесов, Сидоров 1945: 65]).

русская орфография? Совершенно очевидно, что такое правило необходимо потому, что без него учащиеся написали бы в конце *т*. Следовательно, мы произносим, слышим и осознаём в конце слова *род* звук *т*. Если верить сторонникам новой концепции, что несмотря на это, /297//298/ слово *род* кончается фонемой *ð*, то снова получается парадоксальная картина. Выходит, что физическое различие звуков осознаётся непосредственно, тогда как языковое, фонематическое различие оказывается непосредственно недоступным сознанию, а выявляется лишь в результате этимологического анализа. Последний тезис основывается на совершенно ошибочной предпосылке, будто морфема характеризуется постоянным составом фонем, тогда как это свойство далеко не является для неё обязательным (ср. *друг, друзья, дружба*). То обстоятельство, что в слове *родовой* имеется фонема *ð*, не доказывает ещё, что она имеется и в слове *род*.

Таким образом, авторы «Очерка», ограничив применение понятия архифонемы ещё больше запутали вопрос, чем пращцы. Их трактовка фонемы по существу означает непризнание того, что фонема, хотя и не совпадает с физическим понятием звука, является всё же звуковой единицей речи. Она лишает звук речи — фонему автономного лингвистического значения, превращая её из самостоятельной языковой категории в наименьший этимологический элемент морфемы.

Может быть, развитие лингвистики действительно заставляет нас отказаться от понятия отдельного звука как самостоятельной единицы? Мне кажется, что наоборот — учение о фонеме до конца осмыслило и утвердило это древнейшее понятие языковедной науки, если только это учение о фонеме строится не на разрыве смыслового и материального аспектов звука речи, а на признании их диалектического единства.

Чтобы показать реальность автономного существования отдельного звука речи — фонемы, придётся начать несколько издалека. Сложность вопроса заключается в том, что звуки речи в отличие от других языковых единиц (слов, морфем) сами по себе не имеют значения, не связаны непосредственно с семантикой, которой в конечном счёте всё и определяется в языке. Выступая в качестве непосредственных носителей значения, звуки речи перестают быть таковыми, они превращаются в слова или морфемы (ср. союз *а* или окончание — *а* в русском языке). И тем не менее именно возможность функционировать в качестве самостоятельной смысловой единицы и делает отдельный звук речи особой языковой категорией.

Щерба в сущности выяснил всё это ещё в «Русских гласных»; он писал там:

«Так как основной интерес речи лежит в смысловых представлениях, то звуковые нормально не находятся в светлом поле сознания. Казалось бы, с этой точки зрения, что и анализ звуковых представлений нормально нами не

производится, и фонетическая делимость есть результат в значительной степени научного мышления. Но дело в том, что элементы смысловых представлений оказываются зачастую ассоциированными с элементами звуковых представлений, так *l* в словах *тил, бил, выл, дала* ассоциировано с представлением прошедшего времени; *a* в словах *корова, вода* ассоциировано с представлением субъекта; *u* в словах *корову, воду* с представлениями объекта и т. д. Благодаря подобным смысловым ассоциациям, элементы наших звуковых представлений и получают известную самостоятельность» [Щерба 1912: 6]. (разрядка моя — Л. З.).

Хотя Щерба и облёк свою мысль в психологическую оболочку, но дело идёт у него не о формальной ассоциации по сходству, как это имеет место у Трубецкого [Trubetzkoy 1929: 39]. Звук речи выделяется не потому, что он повторяется в ряде сходных положений, а потому, что он наделён при этом определённым смыслом. Чтобы гласный *a*, например, мог быть в данном языке особой единицей, недостаточно того, что /298//299/ он встречается в ряде таких сочетаний, как *ка, са, та*. Чтобы эти слоги разлагались на отдельные звуки, либо гласный *a* либо предшествующие согласные должны обладать в данном языке самостоятельным значением.

Таким образом, только наличие в данном языке звуков, непосредственно связанных со смыслом, обуславливает делимость потока речи на отдельные звуки, а благодаря такой делимости получают самостоятельность и такие звуки, которые в данном языке никогда не служат словами или морфемами. Например, слог *ха* в русском языке делится на две части вследствие того, что от *x* отделяется могущий иметь самостоятельную семантику гласный *a* (ср. *смеха, страха*), а благодаря этому и *x*, никогда не функционирующее в русском языке как самостоятельная смысловая единица, получает фонетическую автономность. Совершенно очевидно также, что *a*, даже если оно и не имеет в данном конкретном случае самостоятельной семантики, будет выделяться из потока речи. Если слова *та, то* делятся на две части вследствие того, что каждая из них имеет своё значение, то деление слов *да, до* обусловлено тем, что *d, a, o* наделены значением в других случаях.

Хотя путь к фонетическому анализу идёт через морфологический анализ, понятие отдельного звука речи конституируется именно фонетическим анализом; только тогда, когда звук речи приобретает самостоятельность, как звуковая единица, о нём можно говорить, как об особой языковой категории, отличной от слова или морфемы. Можно сказать, что гласный *a* в русском языке является отдельным звуком речи именно потому, что он встречается не только, как особая морфема, например, в таких словах, как *рука, нога* и т. п., но и как лишённый самостоятельного смысла элемент таких слов, как *сад, мак* и т. п.

Если автономность звуков речи определяется в конечном счёте морфологическим анализом, то в чём же она обнаруживается? И на этот вопрос мы находим ответ у Щербы в «Русских гласных».

«Наилучшим доказательством этой самостоятельности элементов наших звуковых представлений — пишет он — служат многочисленные факты истории разных языков, известные под названием аналогических образований (*Analogiebildungen*), например: мы говорим *tr'os* вм. *tr'as* (*тряс*), при *tr'esu*; *s'ok* вм. *s'ek* (*цёк*), при *s'eku* и т. д. под влиянием таких случаев, как *n'os* при *n'esu*, *gr'op* (*грёб*) при *gr'ebu*, *st'er'ok* (*стёрёк*) при *st'er'egu* и т. д. Влияние это было бы абсолютно необъяснимым, если бы мы отрицали психическую самостоятельность таких элементов, как *e*, *o* и т. д. В самом деле психологический смысл пропорции

$$\begin{aligned}n'esu : n'os &= tr'esu : x \\x &= tr'os,\end{aligned}$$

которой обыкновенно объясняют подобные явления, сводится к тому, что в глаголах с коренным вокализмом *e* в настоящем времени представление прошедшего времени ассоциировано с коренным вокализмом *o*» [Щерба 1912: 7].

В ещё большей степени, мне кажется, автономность фонем именно как звуковых единиц обнаруживается в возможности образования бессмысленных звукосочетаний. Ни один человек, знающий русский язык, например, не затруднится произнести и услышать такие бессмысленные сочетания, как *ола*, *слям* и т. п. Каждый, услышавший нечто подобное, спросит: «А что значит *слям*?» Недоумение вызовет только то, что может означать такое «слово», но внешний облик его, т. е. звуковой или, что то же, фонематический состав его для всякого будет ясен. Всякий сопоставит и отождествит первый гласный сочетания *ола* с гласным слова *он*, второй гласный — с гласным слова *да*, а согласный — с первым /299//300/ согласным слова *лоб*. Против такого довода могут возразить, что это случай нереальный, что бессмысленные сочетания не являются фактами языка. Но разве новые термины, слова, заимствуемые из иностранных языков, и, наконец, редко употребляемые собственные имена не являются такими же бессмысленными сочетаниями для людей, которые слышат их в первый раз? Чем иным будут такие слова, как *слэнг* и *кола* для огромного большинства говорящих по-русски, не знающих, что они обозначают?

Только автономность отдельного звука речи — фонемы делает понятной возможность возникновения буквенного (или, как его обычно неточно называют «звукового») письма, тем именно и отличающегося от идеографического, что оно соотносится со звучанием слов, а не с их значением и стремится отображать отдельные звуки — фонемы.

Проф. Н. Ф. Яковлев в одной из своих работ пишет:

«Эти-то звуки-фонемы во все времена и у всех народов, применявших звуковую систему письма, и клялись в основу буквенного обозначения. Изобретатели их алфавитов интуитивно определяли количество фонем данного языка и каждую фонему обозначали особым знаком — буквой» [Яковлев 1928: 46].

Само собой разумеется, что такая интуиция возможна только потому, что она отражает реальные языковые отношения.

Все эти рассуждения могут показаться излишними. Можно считать, что реальность существования звуков речи, равно как и их автономность является аксиомой. Приверженцы новой трактовки понятия фонемы могут удивиться, что эти рассуждения мыслятся как возражение против их концепции. Но если из факта автономности фонемы как звуковой единицы не сделать надлежащих выводов для построения теории фонемы, то такая теория вступит в конфликт с этим фактом, может по существу отрицать его. В самом деле, разве этого не случилось с Р. И. Аванесовым и В. Н. Сидоровым и их сторонниками, старающимися уверить нас в том, что мы не знаем, какая фонема стоит в начале слова *где*?

Признание автономности фонемы будет действительным, а не чисто словесным тогда, когда мы при определении её будем пользоваться также и фонетическим критерием, т. е. будем помнить, что фонема это языковая, а следовательно — смысловоразличительная единица, обладающая определёнными акустико-артикуляционными свойствами⁴. Фонетический диапазон вариантов одной фонемы может быть очень широким, но он всё же имеет определённые границы. Этот диапазон лимитируется акустико-артикуляционными свойствами вариантов всех прочих фонем данного языка.

Поскольку границы между фонемами определяются системой фонологических противоположений, существующих в данном языке, постольку и в данном случае (при установлении фонетического диапазона вариантов одной фонемы) акустико-физиологическая сторона звука речи играет подчинённую роль. Но было бы ошибкой думать, что она совсем не играет /300//301/ никакой роли. Как бы незначительны не были фонетические признаки, общие для вариантов одной фонемы, они необходимы для того, чтобы сопринадлежность вариантов была обеспечена. Важно помнить, что и здесь весомость того или иного фонетического признака зависит от фонологических отношений,

⁴ В цитированной уже выше статье проф. В. И. Лыткин справедливо указывает, что

«критерием объединения звучаний в одну группу является их реальное произношение и восприятие, т. е. артикуляционно-акустический признак — именно он дифференцирует смысловые единицы речи. Вот почему разновидности этой фонемы никогда не сливаются, не совпадают с разновидностями другой фонемы: такое совпадение противоречило бы самому определению фонемы как смысловоразличающей единицы и привело бы к отказу в отнесении некоторых звучаний к определённой фонеме» [Лыткин 1946: 8].

Непонятно только, как с этими словами, равно как и со смыслом всей статьи в целом, стоящим в прямом противоречии с теорией Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова, совмещается высказанное в начале статьи мнение о том, что «подразделение модификаций фонем на две категории: варианты и вариации. Это крупный шаг вперёд в русской фонологии» [Лыткин 1946: 6].

существующих в данном языке. Так, согласные *s* и *h* очень мало сходны между собой как в акустическом, так и в артикуляционном отношении; их объединяет только то, что оба они глухие и щелевые. Тем не менее в эвенском языке они являются, или по крайней мере были до самого недавнего времени вариантами одной фонемы. Если такой широкий признак как спирантность мог оказаться достаточным, чтобы объединить варианты одной фонемы, то это только благодаря тому, что в эвенском языке нет больше глухих щелевых, и, следовательно, одно то, что фонема *s/h* является щелевым согласным, противопоставляет её другим глухим согласным, являющимся смычными.

Таким образом, сопринадлежность вариантов одной фонемы обеспечивается тем, что они обладают фонологически обусловленным общим фонетическим признаком (или общими фонетическими признаками). Фонетический же облик фонемы в целом разумеется не сводится к такому признаку (или таким признакам); он складывается из совокупности её позиционных вариантов. Разные фонемы не могут иметь одинаковых вариантов, или иными словами — один и тот же звук не может быть реализацией двух фонем.

Противоречит ли сказанное тому, что ведущей в звуке речи — фонеме является его смыслоразличительная функция? Отнюдь нет. Это основное положение учения о фонеме, впервые сформулированное Щербой в 1911 г., не может быть поколеблено. Но в чём же ином обнаруживается смыслоразличительная сила фонемы, как не в её фонетических (в узком смысле этого слова) свойствах? Первые согласные слов *гора*, *кора* являются разными фонемами не только благодаря различию значений этих слов, но и потому, что они по-разному звучат. Что этим последним обстоятельством никак нельзя пренебрегать доказывается с одной стороны, фактами омонимии (*коса* во всех значениях начинается с согласного «к»), а с другой стороны, фактами факультативного произношения отдельных слов (ср. *калоша* — *галоша*). Если бы различие между *к* и *г* не использовалось в русском языке для смыслоразличительных целей, то разница в произношении *калоша* и *галоша* могла бы и не замечаться.

Признание примата смыслоразличительной функции фонемы не означает того, что к каждому конкретному употреблению фонемы должен существовать весь ряд характеризующих её противоположений. Из автономности звука речи — фонемы вытекает, что фонемный состав слов определяется независимо от того, имеется ли для данного слова соответствующее противоположение или его нет, а следовательно и различение фонем в каждом отдельном слове не зависит от того, существует ли в данном языке другое слово, отличающееся от первого только одной фонемой. Так, *а* в русском языке отличается от *е* не только,

скажем, в слове *рак*, которому противопоставляется слово *рек*, но и в слове *мак*, хотя оно и не имеет оппозиции в виде *мек*.

Comment [A3]: а как же мягкость согласного! Две фонемы отличны!

С этой точки зрения различие фонем должно иметь место и в таких фонетических положениях, в которых в данном языке встречается только один из членов противопоставления. Так, в русском языке сохраняется различие *о* и *а* в неударенном слоге, хотя нормально здесь употребляется только *а*; *б* и *п* в конце слов, где первое нормально не встречается. Что различие фонем в указанных случаях не утрачивается, видно из того, что при соответствующей ситуации может быть произнесена и услышана любая из них. Когда необходимо, например, подчерк-*/301//302/*нуть, что в конце данного слова пишется буква *б*, а не *п* или — *з*, а не *с* и т. п., то для этого нередко пользуются не описательными, а чисто произносительными средствами, говорят: «Нужно писать *воз*, а не *вос*», или: «*хлеб*, а не *хлеп*» и т. п. Этот способ произношения широко применяется дикторами, когда они диктуют по радио материалы для провинциальных газет.

Приведённые факты свидетельствуют о том, что в потенции смыслоразличительная сила сохраняется в звуке речи — фонеме в любом фонетическом положении. Она обнаруживается, собственно говоря, уже в том, что каждое слово звучит именно так, а не иначе, т. е. состоит из таких-то фонем, а не из других.

Под нейтрализацией, как известно, пражцы и их сторонники подразумевают утрату данным противопоставлением смыслоразличительной силы в некоторых фонетических положениях. При этом некоторые фонетические признаки фонемы будто бы утрачивают фонологическую релевантность; *п*, не противопоставляющееся в конце слов *б* перестаёт быть в фонологическом смысле глухим согласным, а становится якобы просто губным смычным. На самом же деле, как мы видели, *п* всегда отличается от *б*; следовательно, нейтрализация это не что иное, как ограничение в употреблении тех или иных фонем определёнными фонетическими положениями. Совершенно естественно, что в позициях, в которых данная фонема не встречается, нет повода противопоставлять её другим фонемам.

В таком смысле нейтрализация встречается очень широко. Точно так же, как говорят о нейтрализации противопоставления *б* — *п* в русском языке в конце слов, вследствие того, что *б* не встречается в этой позиции, можно сказать, что в начале слов перед *в* нейтрализуется противопоставление *р* — *л*, так как в такой позиции встречается только первая из этих фонем. Между этими двумя случаями имеется, правда, существенное различие, состоящее в том, что *б* и *п* чередуются при нейтрализации (фонема *б* заменяется в соответствующей морфеме фонемой *п*), тогда как чередование *р* и *л* не имеет места.

Такое различие говорит, разумеется, о том, что между *б* и *п* в русском языке существует более тесная связь, чем между *р* и *л*, но это не

означает ещё, что позиционно чередующиеся фонемы образуют какое-то единство, некую фонетическую единицу высшего порядка, какую подразумевают, как мы видели выше, понятие «архифонемы».

Реальность существования отдельного звука речи — фонемы как особой языковой категории означает, наконец, что состав фонем каждого данного слова определяется безотносительно к составу фонем других слов, в том числе и других форм того же слова. Для того чтобы определить, из каких фонем состоит то или иное слово, достаточно услышать его, а вовсе не нужно знать, что это значит. Так например, *лук* и как название растения, и как обозначение оружия и как обозначение ландшафта (*луг*) одинаково состоит из фонем *л, у, к*. Когда мы произносим *лук*, никто не сомневается в том, как оно звучит, хотя и не известно, какое именно слово мы имеем в виду.

Встретившись с противоречием, существующим между физической и социальной стороной звука речи — фонемы, буржуазные лингвисты не смогли его преодолеть, они объявили, что между ними лежит непроходимая пропасть и пренебрегают либо одной, либо другой из этих сторон. Советских же лингвистов это противоречие не может завести в тупик; за этим противоречием от них не скроется диалектическое единство.

Литература

- Аванесов, Сидоров 1945 — Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка. Ч. I: Фонетика и морфология. Москва, 1945.
- Бернштейн 1946 — С. И. Бернштейн [рец. на:] Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров, Очерк грамматики русского литературного языка. Часть I. Фонетика и морфология. Утверждено Наркомпросом РСФСР. М., Учпедгиз, 1945, 236 стр. Цена 5 р. 75 к. // «Русский язык в школе», 1946, № 3–4. С. 81–86.
- Бодуэн де Куртэнэ 1913–1914 — И. А. Бодуэн де Куртэнэ. Введение в языковедение <литографированный курс>. 4-е изд. 1913/1914 учебн. г. [Санкт-Петербург].
- Булич 1902 — С. К. Булич. Фонема // Энциклопедический словарь. Т. 36: Финляндия — Франкония. СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1902. С. 239–240.
- Кузнецов 1941 — П. С. Кузнецов. К вопросу о фонематической системе современного французского языка // Учёные записки Московского городского педагогического института. Кафедра русского языка. Т. V, вып. 1. Москва, 1941. С. 140–174 (переиздано в: А. А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии: Очерк. Хрестоматия. Москва, 1970. С. 163–203)
- Лыткин 1946 — В. И. Лыткин. Фонема и научная транскрипция звуков // Русский язык в школе. 1946, № 3–4. С. 6–11.
- Реформатский 1947 — А. А. Реформатский. Введение в языковедение. Москва, 1947.
- Трубецкой 1934/1987 — Н. С. Трубецкой. Морфонологическая система русского языка // Н. С. Трубецкой. Избранные труды по филологии. Москва, 1987. С. 67–142 (оригинал: Trubetzkoy 1934)
- Трубецкой 1939/1960 — Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. Москва, 1960.
- Щерба 1912 — Л. В. Щерба. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912 (фототипическое переиздание с предисловием и комментариями Л. Р. Зиндера и Л. В. Бондарко: Л., 1983; фонологическое введение

Comment [A4]: 37.75.2.80; Мф к1/14132

- «О некоторых основных фонетических понятиях» (§§ 1–15) включено также в кн.: Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 110–125).
- Яковлев 1928 — Н. Ф. Яковлев. Математическая формула построения алфавита // Культура и письменность Востока. Кн. 1. Москва, 1928. С. 41–64 (переиздано в: А. А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии: Очерк. Хрестоматия. Москва, 1970. С. 123–148)
- Яковлев, Ашхамаф 1941 — Н. Ф. Яковлев, Д. Ашхамаф. Грамматика адыгейского литературного языка. М.; Л., 1941.
- Baudouin de Courtenay 1929 — Jan Baudouin de Courtenay. Einfluss der Sprache auf Weltanschauung und Stimmung // Prace Filozoficzne, XIV, 1929. S. 184–255. (переиздано в: J. N. Baudouin de Courtenay. Dzieła wybrane. T. IV. Warszawa, 1990. S. 570–619; перевод фрагментов (§ 20–26, 28) см.: Влияние языка на мировоззрение и настроение // И. А. Бодуэн де Куртене. Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. Москва, 1963. С. 331–336.)
- Martinet 1936 — A. Martinet. Neutralisation et archiphonème // TCLP, 1936, VI. 46–57
- Martinet 1947 — A. Martinet. Où en est la phonologie? // Lingua, 1947, Vol. I, No. 1. P. 34–58.
- Trubetzkoy 1929 — N. Trubetzkoy. Zur allgemeinen Theorie der phonologischen Vokalsysteme // Travaux du Cercle linguistique de Prague. 1. 1929. S. 39–67.
- Trubetzkoy 1934 — Trubetzkoy. Das morphonologische System der russischen Sprache. Prague, 1934. [Travaux du Cercle linguistique de Prague. 5₂] (русский перевод: Трубецкой 1934/1987)
- Trubetzkoy 1939 — N. S. Trubetzkoy. Grundzüge der Phonologie // Travaux du Cercle linguistique de Prague. 7. 1939 (русский перевод: Трубецкой 1939/1960)
- Vinokur 1942 — G. Vinokur. American phonology in the estimation of Soviet linguists // Language, 1942, Vol. 18, No. 4 (Oct. — Dec.). Pp. 307–309.

Comment [A5]: Travaux du Cercle linguistique de Prague. 6 : Étude dédiées au Quatrième congrès de linguistes
1936
Доступно в (Россика: E19/206) Мф К-3/4800;
Я11 В-7/27 ... [1]

Travaux du Cercle linguistique de Prague. 6 : Étude dédiées au Quatrième congrès de linguistes

1936

Доступно в (Россика: Е19/206) Мф К-3/4800; Я11 В-7/2/7
